

ТАИНСТВЕННЫЕ РАССКАЗЫ

Призрак
в наследство

АЗБУКА

Санкт-Петербург

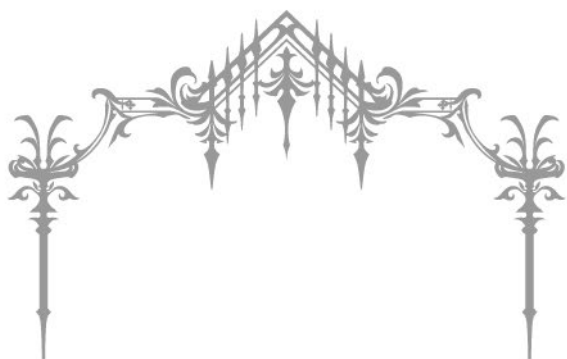
УДК 821.111 + 821.111(73)
ББК 84(4Вел) + 84(7Сое)-44
П 75

Перевод с английского

Серийное оформление и оформление обложки
Егора Саламашенко

- © Л. Ю. Брилова, составление, перевод, 2024
- © С. А. Антонов, перевод, комментарии, 2024
- © В. А. Прянишникова, перевод, 2024
- © С. Л. Сухарев (наследник), перевод, 2024
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®
- © Серийное оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-26062-7

Джозеф Шеридан
Ле Фаню

Ребенок, которого увели феири

К востоку от старинного города Лимерика находится древняя и очень узкая дорога, миль приблизительно в десять, огибающая подножие горной гряды, называемой Слив-Фелимскими холмами, — они славны тем, что там, среди скал и лощин, укрылся Сарзфилд, когда пересекал их, дабы устремиться в храбрую атаку на обозы с боеприпасами и артиллерию короля Вильгельма, которые были отправлены на помощь осаждающей армии. Дорога эта соединяет две другие — от Лимерика к Типперэри и старый тракт из Лимерика в Дублин — и пролегает среди болот, пастбищ и холмов, вблизи расположенных в долинах деревень с соломенными крышами и руин замков; общая длина ее — почти двадцать миль.

На одном участке этой дороги, у подножия упомянутых выше гор, царит необычное запустение. Длинной более чем три ирландские мили, он пересекает дикую местность. Если двигаться по нему на север, то по левую руку окажется обширное черное болото, плоское, как озеро, и окаймленное рощей, а по правую — неровная череда одетых вереском

гор; кое-где ее прерывают ряды серых утесов (своим смелым рваным контуром они напоминают замковые укрепления), кое-где прорезают ущелья, которые, расширяясь, переходят тут и там в усеянные камнями и деревьями долины, а те — в открытое пространство у дороги.

На несколько миль по одинокой окрестности тянется скудное пастбище, где бродят немногочисленные овцы и коровы; там под прикрытием холмика и двух-трех больших ясеней стояла много лет назад крытая соломой хижина, принадлежавшая вдове по имени Мэри Райан.

Нелегко жилось вдове в этом нищем крае. Соломенная крыша ее хижины приобрела серый оттенок и осела — так сказалося на этом утлом крове чередование дождливых и солнечных дней.

Но какие бы опасности ни грозили этому жилищу, от одной оно было избавлено благодаря предусмотрительности, проявленной в свое время его обитателями. Вокруг хижины стояло полдюжины рябин — деревьев, враждебных ведьмам. К видавшим виды дверным доскам были прибиты две подковы, на притолоках и по всей крыше пышными пучками росла трава молодило, известная издревле как средство от самых разных болезней, а также от проделок нечистого. Шагнув с порога вниз, в *chiagoscuro*¹ внутри хижины, и приспособившись к тусклому освещению, вы различили бы в головах вдовьей постели, над которой высился деревянный балдахин, висящие на спинке четки и склянку со святой водой.

¹ Светотень (*ит.*).

Несомненно, здесь были возведены заслоны от вторжения потусторонних злобных сил, о близости которых уединенно живущей семье постоянно напоминали очертания Лиснавуры — пустынного холма, облюбованного фейри, или «славным народцем», как их обычно предпочитают называть. Увенчанный странной куполообразной вершиной, он виднелся в полумиле и походил на внешнее укрепление, помещенное перед изогнутой линией гор.

Уже наступила пора листопада, осеннее солнце клонилось к горизонту, и очарованная Лиснавура отбрасывала длинную тень, которая накрывала волнистые склоны Слив-Фелимских холмов и кончалась почти у порога крохотной одинокой хижины. Перед домом, на ветвях печальных ясеней, стоявших вдоль дороги, пели в редяющей листве птицы. Трое младших детей вдовы играли на дороге, и их голоса звучали вперемежку с вечерним птичьим пением. Старшая сестра, Нелл, оставалась «на хозяйстве» и варила к ужину картошку.

Мать ушла с корзиной на болото за торфом. Такой в этих краях существовал — а может быть, и ныне существует — милосердный обычай (дай бог, чтобы он не исчезал как можно дольше): когда состоятельные люди, нарезав торф, складывали его на болоте, они оставляли рядом кучу поменьше, для бедных; бедняки могли брать оттуда сколько угодно, пока торф не кончится, и таким образом их очаги зимой не остывали, а в горшках с картошкой кипела вода.

Молл Райан взобралась по крутому борину, края которого заросли колючими кустами и ежевикой,

и, ссутулясь под ношей, вошла в дверь; темноволосая Нелл со словами приветствия взяла у матери корзину.

Молл Райан со вздохом облегчения огляделась и, вытирая лоб, воскликнула на манстерском диалекте:

— Ух! Ну и умаялась — Господи благослови. А где малыши, Нелл?

— Играют на дороге, мама; разве ты их не видела, когда поднималась?

— Нет, на дороге никого не было, — с легким беспокойством отвечала вдова, — ни души; что же ты за ними не смотрела, Нелл?

— Ну, значит, играют на гумне или за домом. Позвать их?

— Позови, моя хорошая, ради бога, позови. Видишь, куры возвращаются в курятник и солнце уже спустилось к Нокдауле. А я пока отдышусь.

Рослая темноволосая Нелл выбежала за дверь и, стоя на дороге, поглядела вправо и влево, но не обнаружила ни двоих своих младших братьев, Кона и Билла, ни маленькой сестренки Пег. Она стала звать, однако с гумна, обсаженного редким кустарником, ответа не последовало. Нелл прислушалась, но детских голосов не различила. Через перелаз она побежала за дом — всюду было тихо и пусто.

Напрягая зрение, она стала разглядывать болото внизу, но детей не было и там. Прислушалась снова — молчание. Вначале Нелл рассердилась, но теперь ею овладели совсем иные чувства и она побледнела. Страшась сама не зная чего, она подняла

глаза на вересковый купол Лиснавуры, темно-фиолетовый на фоне пламенеющего заката.

Все более тревожась, Нелл опять вслушалась, но уловила только прощальный щebet и посвистывание птиц в кустах. Как много историй рассказывалось зимой у очага о том, как детей, гулявших в сумерках по безлюдным местам, похищали фейри! Именно этого — как было известно Нелл — все время опасалась ее мать.

Никто в округе не собирал по вечерам свой маленький выводок под крыло раньше, чем боязливая вдова Райан, и ни одна дверь «в семи приходах» так рано не запиралась на засов, как дверь ее хижины.

Нелл страшилась фейри, как и все ее сверстники в тех краях, и даже больше, — поскольку видела, с каким ужасом вспоминает об этих зловных и коварных существах ее мать. В испуге, не спуская глаз с Лиснавуры, девочка вновь и вновь осеняла себя крестным знаменем и бормотала молитвы. Ее прервал оклик матери, донесшийся с дороги. Нелл отозвалась и кинулась, огибая хижину, к дверям, где стояла вдова.

— Куда же подевались ребята... ты их не видела? — крикнула миссис Райан, когда Нелл показала на перелазе.

— Полно, мама, они просто побежали вниз по дороге и с минуты на минуту возвратятся. Они ведь как козы, куда только не заберутся. Попадись они мне, уж я им всыплю по первое число.

— Прости тебя Господи, Нелл! Ребятишки пропали. Их увели, а вокруг ни души и до отца Тома

целых три мили! Что же делать, кого сейчас, на ночь глядя, звать на помощь? Ох, горе горькое! Пропали мои детки!

— Ну-ну, мама, успокойся — видишь, они идут.

И Нелл принялась кричать и махать руками, грозя озорникам взбучкой, а они тем временем подходили все ближе. Невдалеке от хижины на дороге начинался уклон, поэтому их и не было видно раньше. Дети шли с запада, как раз оттуда, где стоял страшный холм Лиснавура.

Но их было всего двое, а девочка громко плакала. Мать с сестрой, испугавшись больше прежнего, ринулись им навстречу.

— Где Билли... где он? — выкрикнула, едва приблизившись, обессиленная мать.

— Его нет... они его забрали; но они сказали, он еще вернется, — ответил Кон, маленький мальчик с темно-каштановыми волосами.

— Его забрали с собой важные леди, — всхлипывала девочка.

— Что за леди?.. Откуда? Ох, Зайчик, сокровище мое! Сыночек, родной мой, неужели я тебя больше не увижу? Где он? Кто его увел? Что это за леди такие? Куда он пошел? — рыдала обезумевшая от горя вдова.

— Я не видела, мама, но как будто бы к Лиснавурскому холму.

Дико вскрикнув, несчастная женщина опрометью кинулась туда; она размахивала руками и громко звала своего пропавшего мальчика.

Охваченная страхом, Нелл не решилась последовать за матерью, а только проводила ее взглядом

и ударились в слезы; остальные дети тоже зарыдали один громче другого.

Сумерки стужались. Давно уже прошел тот час, когда семья вдовы имела обыкновение надежно запереться в своем обиталище. Нелл отвела младших в хижину и усадила у огня, а сама осталась стоять у открытой двери, с тревогой ожидая возвращения матери.

Мать появилась нескоро. Она вошла, села у огня и душераздирающе зарыдала.

— Задвинуть засов, мама? — спросила Нелл.

— Да, задвинь... Я сегодня и так слишком много лишилась, не хочу потерять еще кого-нибудь из вас. Но сперва сбрызнись-ка святой водой и принеси ее сюда — я окроплю себя и малышей; сдаётся мне, Нелл, ты забыла это сделать, когда выпускала детей на ночь глядя гулять. Иди сюда, сядь мне на колени, мой маленький, и ты иди, моя душечка; обнимите меня покрепче, во имя Господне, и я вас обниму, чтобы никто вас у меня не отнял, и расскажите все: что и как случилось — оградите нас, Боже, от всякого зла — и кто вам встретился.

Дверь закрыли на засов, и двое ребятишек, перебивая друг друга, повели свой странный рассказ, который то и дело прерывала к тому же своими вопросами мать, поэтому я лучше изложу его связно и своими словами.

Трое детей вдовы Райан играли, как я уже говорил, на узкой старой дороге перед домом. Маленький Билл, или, иначе, Зайчик, был прехорошенький мальчик лет пяти, золотоволосый, с большими голубыми глазами, свежий и цветущий; взгляд Билли

отличался наивной серьезностью, какой не встретишь у городских ребятишек. Вместе с мальчиком были его сестренка Пег, приблизительно годом старше, и брат Кон, на год с небольшим старше Пег.

В свете закатного октябрьского солнца ребята устроились под громадным старым ясенем, который ронял им под ноги последние листья, и весело и увлеченно, как свойственно деревенским детям, принялись за шумную игру; лица их при этом были обращены к западу, к овечьему легендами холму Лиснавура.

И вдруг сзади их окликнул громкий пронзительный голос, приказывая убраться с дороги; они обернулись — и перед ними оказалось никогда прежде не виданное зрелище. Это была карета, запряженная четверкой лошадей; скакуны, которых, судя по всему, только что осадил кучер, фыркали и в нетерпении били копытом. Дети, выбравшись у них из-под самых ног, отпрянули к обочине перед собственной дверью.

Карета, вместе со всеми своими принадлежностями, сверкала старомодным великолепием и совершенно ошеломила детей, которым до сих пор не доводилось видеть ничего внушительней повозки с торфом и, однажды, почтового экипажа из Киллало.

Это была старинная роскошь. Алая упряжь искрилась золотом. Лошади, громадные и белоснежные, трясли своими пышными гривами, и те, казалось, текли и струились по воздуху, то удлиняясь, то укорачиваясь, как дым; на длинных хвостах были завязаны банты из широкой, алой с золотом ленты. Ка-

рета с гербом сияла разными красками и позолотой. Лакеи были наряжены в пестрые ливреи и треуголки, как и кучер, но на последнем красовался большой, похожий на судейский, парик, а прически лакеев состояли из собственных волос, завитых и напудренных, с бантом и косичкой, свисавшей вдоль спины.

Все слуги были какие-то коротенькие, нелепо несоразмерные гигантским пропорциям упряжки; на их желтых, с резкими чертами и горящими беспокойными глазками лицах лежал отпечаток такого коварства и злобы, что у детей по коже побежали мурашки. Крошка кучер бросал из-под треуголки хмурые взгляды и показывал белые клыки; его глазабусинки подрагивали от ярости в орбитах; он крутил кнутом над головами детей, пока взмахи не стали казаться им в вечерних лучах огненными вспышками, а щелканье — криком легионов воздушной нечисти.

— Заградить дорогу принцессе? — душераздирающе взвизгнул кучер.

— Заградить дорогу принцессе? — пропищали по очереди лакеи, злобно оглядываясь на детей и скрежеща острыми зубами.

Дети были так испуганы, что только тарасили глаза, белея от ужаса. Но тут из открытого окошка кареты донесся нежный голос, который ободрил малышей и заставил умолкнуть лакеев.

Красивая и «очень шикарная» дама улыбалась детям из окошка, и в лучах этой странной улыбки они почувствовали себя очень приятно.

— Сдается мне, это мальчик с золотыми волосами, — произнесла дама, останавливая на малень-

ком Зайчике взгляд своих больших и удивительно светлых глаз.

Верх кареты был почти весь стеклянный, и дети разглядели внутри еще одну женщину, которая понравилась им куда меньше, чем первая.

Она была черная, с длинной-предлинной шеей, увешанной множеством ожерелий из крупных разноцветных бусин; голову женщины покрывал тюрбан из шелка с полосками всех цветов радуги, к которому была прикреплена золотая звезда.

Худое лицо черной женщины напоминало обтянутый кожей скуластый череп. Она взглянула через плечо красивой дамы и шепнула что-то ей на ухо, продемонстрировав при этом белки больших навывкате глаз и широкий ряд зубов — и то и другое белело еще ярче на фоне темной кожи.

— Да, сдается мне, это мальчик с золотыми волосами, — повторила дама.

Голос ее прозвенел в ушах детей серебряным колокольчиком, а улыбка зачаровывала, как свет волшебной лампы, и, когда дама высунулась из окна и окинула золотоволосого голубоглазого Билли невыразимо ласковым взглядом, мальчик невольно ответил ей снизу такой же нежной улыбкой, после чего дама склонилась и протянула к нему свои униженные кольцами руки и Билли вскинул ручки ей навстречу. Брат и сестра малыша не видели, как соприкоснулись их руки, но слышали слова: «Иди сюда и поцелуй меня, мой милый»; затем дама подняла Билли, который взлетел в ее пальчиках легко, как перышко, усадила к себе на колени и принялась целовать.

Ничуть не испуганные, дети были бы только рады поменяться местами со своим младшим братом, которому так повезло. Только одно их смутило и немного встревожило: поведение черной женщины, которая по-прежнему стояла в карете навытяжку. Женщина поднесла, скомкав, к губам богатый шелковый с золотом платок и, как показалось детям, стала складка за складкой запихивать его в свой объемистый рот; они подумали, что так она старалась подавить судорожный смех, от которого содрогалась с головы до пят. Однако в глазах женщины (платок их не скрывал) таилась такая лютая злоба, какой дети никогда раньше не видели.

Однако другая дама была так красива, что брат с сестрой перевели взгляд на нее, а красавица продолжала осыпать ласками и поцелуями малыша, сидевшего у нее на коленях. Улыбнувшись старшим, она показала им большое коричневое яблоко, которое держала в руке; карета потихоньку тронулась, а дама кивком пригласила детей взять угощение и уронила его из окошка на дорогу. Яблоко немного прокатилось за каретой, дети побежали следом; потом красавица уронила еще одно, и еще... И со всеми яблоками случалась одна и та же история: стоило кому-нибудь из ребятишек его коснуться, как оно закатывалось куда-нибудь в ямку или канаву, и дети, подняв голову, видели, что дама бросает следующее, и погоня возобновлялась; так все и шло, пока дети, не подозревая, что забрались в такую даль, не очутились на старой развилке, где начиналась дорога на Оуни. Там им почудилось, будто из-под лошадиных копыт и колес кареты взметнулось

большое облако непонятной пыли; среди полного безветрия налетел, как иногда бывает, вихрь и закрутил пыль в столб; на мгновение он накрыл ребят, а потом, кружась, устремился к Лиснавуре, а в центре столба (как представилось детям) летела карета, но внезапно вихрь опал, солома и листья опустились на землю, пыль рассеялась, и ни белых лошадей, ни лакеев, ни позолоченной кареты, ни дамы с их золотоволосым братиком — ничего на том месте не оказалось.

В тот же миг верхний край солнечного диска опустился за холм Нокдаула и наступили сумерки. Когда так внезапно стемнело, детям стало не по себе, а увидев нависшую совсем близко круглую верхушку Лиснавурсы, они испугались еще больше.

Они принялись звать брата, но их крики терялись в пустоте. Одновременно им почудился глухой голос, произнесший невдалеке: «Ступайте домой».

Оглянувшись и никого не увидев, дети пришли в ужас; они взялись за руки и изо всех сил заторопились домой (девочка при этом заливалась слезами, а ее брат от страха сделался белым, как мел), чтобы рассказать свою странную историю, а о дальнейшем мы уже знаем.

С тех пор Молли Райан ни разу не видела своего дорогого сыночка. Но своим товарищам по играм маленький Билли иногда показывался.

Бывало, когда мать отлучалась, чтобы заработать немного на уборке сена, а Нелл мыла к обеду картошку или полоскала белье в речушке, которая течет поблизости в низине, в дверь лукаво заглядывало хорошенькое личико малыша Билли и молча

улыбалось сестре и брату; с криками восторга дети бежали обнять братика, но тот, по-прежнему шаловливо улыбаясь, отступал; выбежав из дому, дети обнаруживали, что Билли пропал, не оставив ни единого следа.

Так, или приблизительно так, случалось часто. Иногда Билли показывался лишь на мгновение, а иногда задерживался дольше; бывало, он просовывал в дверь руку и пальцем манил брата и сестру к себе; неизменным оставались только улыбка, лукавый взгляд и настороженное молчание, и всегда Билли скрывался, стоило детям подбежать к двери. Со временем он стал являться все реже, а месяцев через восемь окончательно прекратил свои посещения, и с этой поры навсегда потерянный мальчик занял в воспоминаниях брата и сестры место среди покойников.

Однажды зимним утром, приблизительно через полтора года после исчезновения Билли, мать еще до рассвета отправилась на рынок продавать кур. Пег, лежавшая рядом с крепко спящей сестрой, услышала на рассвете, как осторожно приподнимается дверной крючок; вслед за тем в дом вошел маленький Билли и тихонько закрыл за собой дверь. Было уже довольно светло, и Пег разглядела, что он бос, одет в лохмотья и лицо у него бледное и исхудавшее. Он шагнул прямо к огню, склонился, съездившись, над угольками и стал медленно тереть ладонь о ладонь; собирая в кучу кусочки тлеющего торфа, он, казалось, дрожал.

Девочка в ужасе обхватила сестру и зашептала: «Проснись, Нелли, проснись — Билли вернулся!»

Нелли спала беспробудным сном, но маленький мальчик, вытянувший руки над самыми угольками, обернулся и испуганно (как показалось Пег) взглянул на кровать; девочка заметила, как его худые щеки осветились слабым пламенем очага. Билли встал, молча на цыпочках поспешил к двери и выбрался наружу так же осторожно, как и вошел.

С тех пор мальчика никогда уже не видел никто из родных.

«Доктора-фейриведы», знатоки тайных наук, которых, как было принято в таких случаях, призвали на помощь, оказались бессильны. Иные — благочестивые — ритуалы, совершенные отцом Томом, также не возымели действия. Таким образом, для матери, брата и сестер маленький Билли умер, но могилы он не обрел. Все прочие, кого оплакали любящие близкие, лежат в освященной земле на старом абингтонском кладбище, и могильные камни указывают, где живые могут преклонить колени и помолиться за упокой души усопшего. Но ничем не помечено то место, где скрылся из глаз родных маленький Билли, разве что считать таковым старый холм Лиснавуру, который отбрасывает на закате длинную тень до самого порога хижины; белый и туманный в лунном свете, этот холм притягивал к себе взор подростка Кона, когда тот возвращался ночью с ярмарки или с рынка, и юноша, невольно вздохнув, возносил молитву за своего давно и безвозвратно потерянного младшего брата.

П 75 Призрак в наследство : рассказы / пер. с англ. С. Антонова, Л. Бриловой, В. Прянишниковой, С. Сухарева. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 416 с. — (Таинственные рассказы).

ISBN 978-5-389-26062-7

Серия «Таинственные рассказы» — это сборники произведений малой прозы, написанных в XIX — первой половине XX века. Истории, вводящие читателей в мир, где обыденное соседствует со сверхъестественным, где судьбы героев вершат вселяющие страх потусторонние силы, а сама граница между жизнью и смертью оказывается зыбкой, издавна пользовались популярностью. Овеянные мрачным колоритом, драматичные сюжеты о родовых проклятиях, загадках старинных портретов, сделках с дьяволом, неприкаянных душах, призраках и т. д. стали особенно популярны в эпоху романтизма. Но и позднее интерес читателей к ним не иссяк: даже в эпоху философского скептицизма, расцвета науки и триумфа техники готическая литература остается востребованной, а таинственное, необъяснимое, чудесное по-прежнему и привлекает, и завораживает.

Авторы рассказов, составивших эту книгу, — британские и американские писатели: Джозеф Шеридан Ле Фаню, Фрэнк Ричард Стоктон, Э. и Х. Херон, Эдит Уортон, Монтегю Родс Джеймс, Кливленд Лэнгстон Моффетт, Эдвард Фредерик Бенсон, Джон Бакан.

УДК 821.111 + 821.111(73)
ББК 84(4Вел) + 84(7Сое)-44

ПРИЗРАК В НАСЛЕДСТВО

Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректор Нина Писковитина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 16.07.2024.
Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 18,33. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» – обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндiрiшi: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ – АЗБУКА® тауар белгiсiнiң иесi, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

A-GHS-35041-01-R